

МИФОТВОРЕЦ

В блестящей плеяде авторов, пришедших в американскую фантастику в 50—60-е годы прошлого века, Роджер Желязны стоит несколько особняком. Его тяжело даже «систематизировать», отнести к тому или иному направлению. Он, безусловно, не научный фантаст — если понимать под научной фантастикой фантастику научно-техническую. Но он и никак не фэнтезийщик — если понимать под фэнтези литературу «меча и магии». Космология Желязны — некий универсум, для которого и наука, и магия — всего лишь отдельные (и далеко не единственные) элементы, прекрасно сосуществующие. В англоязычной литературе он скорее следует той традиции По, Говарда и Лавкрафта, которую впоследствии продолжит Нил Гейман: он мифотворец. Тут хотелось бы напомнить, что в своем изначальном значении, пришедшем к нам из далекой античности, слово «миф» означает всего лишь «рассказ». Но не просто рассказ о неких бывших или вымышленных событиях, а повествование о сокровенном: о том, как в действительности устроен мир. Именно этим Желязны и занимается в практически каждом своем произведении: описывает Вселенную, которая гораздо шире любых наших о ней представлений, причем таким образом, что это описание при всей своей неортодоксальности никак не противоречит имеющимся в нашем распоряжении знаниям. Именно этот подход и создает тот потрясающий объем, то «литературное 3D», благодаря которому книги Желязны вот уже полвека продолжают завоевывать читательские сердца по всему миру.

Сын польского эмигранта и ирландки, родившийся в захолустном городишке в Огайо, Роджер Желязны прожил недолгую, но, безусловно, счастливую жизнь. Он представлял собой редкий типаж Человека-у-которого-все-получается — и который при этом вызывает у окружающих не зависть и раздражение, а только искреннее восхищение.

Блестящий эрудит, специалист по английской литературе елизаветинской эпохи — недаром его персонажи, вне зависимости от места и времени действия, свободно цитируют то Гомера, то Шекспира, то Гейне. Полиглот, свободно владеющий несколькими восточными языками. Мастер боевых единоборств и обладатель черного пояса по айкидо. «Боец невидимого фронта» холодной войны... И все это практически одновременно. Фантаст, получивший своего первого «Хьюго» уже через три года после дебюта (а всего на счету Желязны шесть «Хьюго», три «Небьюлы» и уйма других фантастических наград). Кажется, ему удавалось достичь успеха в любой области, привлекая его внимание.

Не будет преувеличением сказать, что избранный Желязны литературный метод являет собой квинтэссенцию столь разнообразных интересов. Желязны тесно в рамках кем-то заданных координат: в каждом романе он создает свою картину мира, в которой, как и у Александра Дюма, от предшественников остается лишь гвоздь¹. Но если Александр Великий создавал свои знаменитые романы, отгалкиваясь от неких исторических событий, вызвавших его интерес подходящей фактурой, то для Роджера Великолепного отправной точкой всегда является миф, причем в итоге вышедшее из-под его пера оказывается куда дальше первоисточника, чем даже у его французского коллеги. Оберон и Мерлин из «Хроник

¹ Имеется в виду известная фраза Александра Дюма-отца: «История — это гвоздь, на который я вешаю свою картину».

Амбера» ушли от своих прототипов куда дальше королевы Марго или кардинала Ришелье. Однако непозволительной ошибкой было бы предположить, что герои Желязны не имеют с героями древних преданий ничего общего, кроме имен. Нет-нет, здесь речь идет совсем о другом: используя терминологию тех же «Хроник», автор всякий раз предлагает «взгляд из Янтаря» — единственно подлинного мира, в одном из искаженных отражений которого мы пребываем со всеми своими искаженными представлениями о том, как все было *на самом деле*. Недаром один из сквозных мотивов творчества Желязны — взгляд на религию с точки зрения божества или божеств, ясно и не без иронии понимающих, что люди поклоняются не им, а своим о них представлениям. И представляемый читателю роман «Порождения Света и Тьмы» — один из ярчайших тому примеров.

Разумеется, Сет, Тот, Анубис, Осирис и прочие персонажи романа бесконечно далеки от всех наших представлений о пантеоне Древнего Египта — примерно в той же степени, в какой наши представления о них далеки от «истинной картины», рисуемой автором. Более того: сама авторская концепция Мироздания, предложенная в «Порождениях Света и Тьмы», настолько оригинальна в своей «не европейскости», что заслуживает отдельного рассмотрения.

Итак, никакого персонифицированного «добра» и «зла» нет: это лишь субъективная реакция обитателей Срединных миров на отголоски происходящих далеко за их пределами событий. Да, существует Дом Жизни, возглавляемый Осирисом, и Дом Смерти, в котором заправляет Анубис. Но, во-первых, ни о каком противоборстве между ними речи не идет, напротив — это союзники, поделившие власть над Мирами. Во-вторых же, такая система сложилась в результате относительно недавних по вселенским меркам событий. Изначально Домов-Станций, каждая из которых управлялась своим ангелом, контролируя

одну из сил, было множество. Между прочим, «ангелы» Железны не имеют никакого отношения к иудео-христианской традиции; это никак не вестники-посредники между Божеством и людьми. Единственное, что объединяет тех же Анубиса и Осириса с библейскими ангелами — история о бунте, однажды устроенном ими против своего владыки. Бунте, который в описываемой Железны реальности увенчался успехом. Тогда-то Шакал и Птица и заняли свои троны, разделив власть над мирами смертных.

В действительности же подлинное противоборство происходит между совершенно иными сущностями. И судьба мира — всех Миров — решается в той битве, что тысячелетиями ведут между собой Принц-Который-Был-Тысячью и То-Что-Кричит-В-Ночи. Принц, некогда бывший повелителем всех миров и создателем системы Станций по имени Тот, оказался слишком увлечен сражением с Вещью, воплощающей в себе всепожирающее Ничто (кстати, это едва ли не первое, пусть и весьма поэтическое, описание черной дыры в фантастике), чтобы вовремя распознать заговор, — однако и будучи низвергнутым продолжает сдерживать Вещь на затерянной в бесконечности Вселенной планете. Ведь это куда важнее, чем смешная борьба за власть. Однако пока Тот жив, он представляет собой угрозу для узурпаторов — и спустя тысячелетия после его низвержения в Срединные миры прибывает посланник Анубиса, могучий воин по имени Оаким, единственная цель которого — навсегда уничтожить Принца-Который-Был-Всем...

При этом важно понимать, что никакой «высшей расы», поставляющей кадры для «ангельских должностей» нет. Ангелы, при всем своем могуществе, вполне смертны, и — хотя это и не сказано явно — являются выходцами из Срединных миров, одним из которых является и наша Земля. По крайней мере, в романе есть свидетельства и ангела, ставшего человеком после низвержения, и человека, вставшего во главе стан-

ции, так что предположение о том, что это касается и их, так сказать, коллег, вполне обоснованно.

С другой стороны, автор особо подчеркивает, что Дома-Станции, при всем запредельном могуществе, которым они наделяют своего владыку, рукотворны и вещественны: их стены сделаны из металлической обшивки, а внутреннее убранство оснащено по последнему слову техники. Это еще один пример того непротиворечивого сосуществования технологии и магии, о котором уже было сказано выше.

Ах да! Именно в «Порождениях Света и Тьмы» впервые появляется описание кибернетического секса, имеющее при этом не вульгарно-скабрезный, а глубоко философский смысл: секс-компьютер при помощи человека-терминала получает необходимое ему наслаждение, — а взамен, благодаря своим аналитическим способностям, дает клиенту ответ на любой волнующий того вопрос. Этаким эскапизм наоборот.

Помимо известных хотя бы по именам мифологических персоналий (а в романе действуют представители не только египетской, но и древнегреческой, и скандинавской мифологий), Железны создает и совсем новые сущности — причем они, что характерно, зачастую выглядят куда более интересными, чем позаимствованные у предыдущих эпох. Таков безумный зеленоглазый поэт Фрамин, чьи поэмы известны во всех мирах. Таков жрец-агностик Мадрак, молящийся всем силам и не верящий ни в одну из них. И, конечно, Железный Генерал — вечный воин, всегда выбирающий обреченную сторону, участник любых революций и мятежей, многократно погибающий, но вновь возрождаемый для борьбы.

Анубис и Осирис, в полном соответствии с мифологическим канонем, имеют соответственно головы шакала и птицы — но это не изначальный их облик, а всего лишь результат работы хирургов. Взаимосо-

четаемость и взаимозаменяемость органов человека, животного и машины — один из важнейших философских постулатов романа, доказывающий, что человек есть нечто большее, нежели видовая принадлежность к *homo sapiens sapiens*.

В конце концов, «порождения Света и Тьмы надевают и сбрасывают одежды человека, машин и богов» — но что они *вне* этих одежд? Что это значит на самом деле — быть живым? Этот вопрос, прозвучавший в самом начале романа, так и остается без ответа. Вернее, отвечать на него каждому приходится самому.

Надо сказать, что ярко выраженный интеллектуализм романа и определенные трудности, с которыми может столкнуться при знакомстве с ним «широкий круг читателей», были отмечены критиками сразу по выходу «Порождений Света и Тьмы». К примеру, видный американский фантастиковед Альгис Будрис даже предположил в своей рецензии, что новый роман Желязны способен «сбить с толку и вывести из себя». Так вот: позволю себе не согласиться. Для того чтобы получить удовольствие от книги, вовсе не обязательно обладать авторской эрудицией и считывать все скрытые намеки и аллюзии. Это ни в коем случае не герметический текст для избранных, не историко-философский трактат и уж точно не нарочито «элитарная» проза. Напротив: именно та вольность, с которой автор обращается с древними мифами, делает их знание читателем далеко не обязательным. Стоит лишь дать волю воображению, настроиться с текстом на одну волну — и наслаждаться.

И тогда, возможно, «Порождения Света и Тьмы» станут вашим любимым романом. Поверьте, он того стоит!

АРКАДИЙ РУХ

**ПОРОЖДЕНИЯ
СВЕТА И ТЬМЫ**

Чину Дилени, просто так

Одни поколения уходят, другие длятся
со времен своих предков.
И вот они строили обиталища,
и даже места того больше нет.
Что же случилось с ними?
Я слышал слова Имхотепа и Хардедефа,
реченья которых повторяют так часто люди.
Где же теперь они?
Разрушились стены,
даже места им нет,
словно не было никогда.
Никто не приходит оттуда,
чтобы рассказать, что там,
чтобы поведать, как там,
чтобы упокоить наши сердца,
покуда и сами не пойдем мы за ними следом.
Так празднуй и не томись!
Смотри, не дано человеку
забрать с собой достоянье,
смотри, никто из умерших назад
не может вернуться.

Харрис, 500, 6:2-9

Входит Комус с волшебной палочкой в одной руке,
бокалом в другой; вместе с ним орава монстров с голо-
вами многовидных диких зверей. С буйным, разгуль-
ным шумом входят они; в руках у них факелы.

Мильтон

Платье людское подобно железу,
Стать человечья — пламени горна,
Лик человеческий — запечатанной печи,
А сердце людское — что голодное горло!

Блейк

ПРЕЛЮДИЯ В ДОМЕ МЕРТВЫХ

В канун своего тысячелетия в Доме Мертвых проходит по нему человек. Ежели удалось бы тебе взглянуть на огромный тот зал, по которому проходит он, ничего бы это не дало. Так темно тут, что глазу не сыскать для себя работы.

В темную эту пору звать мы его будем просто: человек.

На то есть две причины.

Во-первых, он вполне подпадает под общепринятое, устоявшееся описание человекоподобного существа (мужского пола, без модификаций) — прямоходящий, с противостоящим большим пальцем и прочими типовыми характеристиками этой профессии; во-вторых, имя его от него отнято.

И нет сейчас причин распространяться об этом далее.

В правой руке несет человек жезл своего хозяина, и ведет его жезл этот сквозь тьму. Тянет то туда, то сюда. Обжигает руку, пальцы, противостоящий большой — в первую очередь, стоит хоть на шаг отступить ему от предназначенного пути.

Добравшись до некоего места посреди темноты, начинает человек подниматься по ступеням и

через семь шагов оказывается на каменном возвышении. Трижды ударяет он по нему жезлом.

Вспыхивает свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам. Из конца в конец видны теперь стены огромного пустого зала.

Он переворачивает жезл и ввинчивает его в гнездо в поверхности камня.

Будь у тебя в зале том уши, услышали бы они некий звук, словно гудит летучая мелюзга, кружится-вертится над головой мошкара.

Но слышен звук этот лишь нашему человеку. Остальные — а числом их там поболее двух тысяч — мертвы.

Они поднимаются теперь из появляющихся на полу прозрачных прямоугольников, поднимаются бездыханными, с немигающими глазами, возлежат в паре футов над землей, покоятся на незримых катафалках; и всех цветов их одежды, всех оттенков кожа, всех возрастов тела. И есть у одних из них крылья, у других — хвост, у третьих — рога или же длиннющие когти. Кое у кого найдется и весь этот набор; одним в тело встроены какие-то механизмы, другим — нет. Многие же выглядят как наш человек — без модификаций.

Он же облачен в желтые брюки и того же цвета рубашку без рукавов. Черны его ремень и плащ. Он стоит рядом со светящимся жезлом своего хозяина и разглядывает мертвецов перед собою.

— Встать! — восклицает он. — Всем встать!

И смешиваются слова его с разлитым в воздухе гудением, и повторяются снова и снова, не как

эхо, угасая, но настойчиво возвращаясь, с навязчивостью электрического зуммера.

Воздух наполняется движением. Разносятся стоны, раздаются похрустывание суставов, потом возникает движение.

С шорохом и шуршанием, побряхывая и растирая свои затекшие члены, они садятся, они встают.

И вот затихают звуки и движения, и, словно незажженные свечи, застывают мертвецы у своих отверстых могил.

Человек спускается с возвышения, на секунду замирает перед ними, затем говорит: «За мной» — и идет назад тем же путем, что и пришел, оставив жезл своего хозяина вибрировать в мутном воздухе.

По пути подходит он к женщине — высокой, златокожей самоубийце. Он заглядывает в ее невидящие глаза и говорит: «Ты знаешь меня?» — и оранжевые губы, мертвые губы, сухие губы движутся, шепчут: «Нет». Но он вглядывается еще пристальнее и говорит: «Ты знала меня?» — и воздух гудит от его слов — пока она не произносит «нет» еще раз, и он проходит мимо.

Он спрашивает еще двоих: мужчину, который был в свое время старцем, в его левое запястье встроены часы, и черного карлика с рогами, копытами и хвостом козла. Но оба говорят: «Нет», и он проходит мимо них, и они следуют за ним из огромного этого зала в другой, где лежит много других, в общем-то не ожидая, что их призовут на его тысячелетний канун в Доме Мертвых.